

В.А. БАХТИНА
(Москва)

КРИТИЧЕСКАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ ФОЛЬКЛОРА: УСТНАЯ СКАЗКА И КНИГА

Рецензия на: Корепова К.Е. *Русская лубочная сказка*. — Нижний Новгород: КиТиздат, 1999. — 243 с.

В своей книге К.Е. Корепова обратилась к одному из тех явлений народной культуры, рождение, развитие и исчезновение которого произошло в сравнительно позднее время и обозначено четкими хронологическими рамками, что создает реальные предпосылки его многоаспектного монографического изучения.

Нельзя сказать, что лубочная сказка в том или другом ракурсе не затрагивалась исследователями народной культуры, начиная с Ф.И. Буслаева и кончая Е.Н. Елеонской, М.К. Азадовским, В.Я. Проппом, Н.В. Новиковым, В.Д. Кузьминой и др. Однако эти работы касались ее чаще всего попутно, при изучении народной книги, народной картинки (лубка) или при выявлении судеб заходящих повествовательных сюжетов на русской почве. К.Е. Корепова впервые поставила вопрос о лубочной сказке как самостоятельном жанре, отделив ее от народной сказки, с одной стороны, и литературной, с другой. Как городское массовое проявление особого типа традиционной культуры, она представляет не просто симбиоз народного и профессионального искусства, а совершенно оригинальное явление. По выражению К.Е. Кореповой, лубочная сказка постоянно «пульсировала» в пространстве между фольклором и литературой, что и определило в конечном счете ее жанровые характеристики. Очень важно, что в работе раскрывается смысл таких общих явлений культуры, как «народные книги», «лубочная и долубочная литература», по отношению к которым лубочная сказка предстает как частное, видовое понятие. В отдельных случаях указываются и разнообразные связи лубочной сказки с русскими народными картинками.

В постижении специфики лубочной сказки К.Е. Корепова следует основополагающим признакам любого фольклорного жанра, которые были выделены В.Я. Проппом: «внутренняя специфика», «форма обращения», исторические судьбы или история развития. Эти признаки или направления включают в себя как синхронное, так и диахронное описание жанра в его внутренней содержательной форме и в его бытовании.

В.Я. Проппа в российской (и не только) научной литературе цитируют по-прежнему обильно и широко, не всегда при этом улавливая внутреннюю пружину его исследовательского метода. К.Е. Корепова передает и творчески развивает применительно к новому мало освоенному фольклористами материалу основополагающие, существенные постулаты своего учителя и в определении фольклорного жанра, и в его исторической жизни, и в его взаимодействии со смежными культурными явлениями. Посвящение книги В.Я. Проппу воспринимается поэтому не как внешняя дань его светлой памяти, но как внутренняя убежденность в истинности и значимости для науки его основных концепций. К счастью, В.Я. Пропп успел уловить и оценить эту научную преданность своей ученицы. Третьего февраля 1965 г. в шесть часов утра он оставляет в своем дневнике запись о ее кандидатской диссертации: «Утром сделал все выписки из диссертации Клары. Всё готово для написания отзыва. Прекрасная работа. Всё основано на скрупулезности и умелом анализе материалов. Узнаю свою систему и доволен»¹.

Основное место в работе К.Е. Кореповой занимает глава, содержащая конкретный текстологический анализ отдельных сказочных сюжетов с точки зрения «критики текста», — того направления в текстологии фольклора, который, как она справедливо отмечает, наименее развит в фольклористике. Выводы К.Е. Кореповой интересно сопоставить с недавно опубликованными результатами многолетнего исследования Ю.А. Новикова². Производя текстологическую ревизию основных сборников былиных на предмет выявления их книжного или устного происхождения, составляя указатель заимствованных из книг вариантов, Ю.А. Новиков определяет и те признаки, которые могут свидетельствовать о книжном происхождении текста. Среди них наиболее достоверным ему представляется механическое соединение эпических традиций



различных мест (компиляция). По мнению К.Е. Кореповой, для сказки, как жанра, не отличающегося большой привязанностью к «территории бытования», следует говорить скорее о «произвольной контаминации». Кроме того, знаками книжного влияния она считает «нелогичное использование мотивов», наличие «географической определенности», отнесенность событий в прошлое³.

Для анализа К.Е. Корепова выбирает десять сказочных сюжетов, среди которых широко бытующие в русской традиции и известные в большом количестве вариантов «Жар-птица» (СУС 550), «Царевна-лягушка» (СУС 402), «Сивко-Бурко» (СУС 530), «Звериное молоко» (СУС 315), «Молодильные яблоки» (СУС 551), «Волшебное кольцо» (СУС 560), «Муж ищет исчезнувшую жену» (СУС 400), «Кощей Бессмертный» (СУС 302) и редкие: «Семь Симеонов, родных братьев» (СУС 653), «Сказ о Панфиле» (СУС 946 А*). Следует отдать должное не только кропотливости той уникальной проверки текстов, которую предприняла К.Е. Корепова при сравнительно-сопоставительном анализе лубочной, фольклорной и литературной сказок на самых разных уровнях: сюжета, мотива, образной системы, изображения времени и пространства, наличия / отсутствия контаминации, мотивировок и т.д., но и выводам, к которым она приходит по каждому сюжету. Представленные ею схемы, демонстрирующие движение сюжета в устной и книжной традиции, продуманы и наглядны.

К.Е. Корепова не стремится к обобщениям глобального характера, как всякий осторожный и тонкий исследователь понимая, что они могут быть сделаны только по завершении критической проверки всего сюжетного репертуара русской сказки во всех ее вариантах. Пока это выводы конкретного свойства, по каждому отдельному сюжету, и они выявляют весьма пеструю картину взаимодействия фольклорной и лубочной сказки. Скажем, анализ «Царевны-лягушки» свидетельствует о том, что, возникнув в народной традиции, сказка вошла в книгу, а из книги вновь вернулась в народную среду. К.Е. Корепова выявляет интересную тенденцию, характерную не только для данного сюжета, но и вообще для тех случаев, когда лубочная сказка вторично фольклоризуется, и заключающуюся в том, что из лубочной сказки исчезает то, что явно противоречит поэтике народной сказки: излишняя описательность, элементы авантюриной повести, сентиментальность и пр. Это свидетельствует не только о бережно сохраняющейся в традиции «памяти жанра», но и о потенциальных возможностях репродукции культурного явления при условии, конечно, хотя бы относительного сохранения среды обитания его носителей.

Наблюдения над случаями фольклоризации лубочной сказки позволяют К.Е. Кореповой сделать еще два значительных вывода. Во-первых, книжный текст, вернувшийся в устное бытование, оказывается устойчивее исконно фольклорного,

склонного к большему варьированию. И, во-вторых, книжный текст в процессе фольклоризации сохраняет мотивы и мотивировки, относящиеся к области творческой фантазии автора, что уводит сказку от ее этнографических корней в сторону индивидуального творчества. Традиция сохраняется, но видоизменяясь, обновляясь, развиваясь.

Иные выводы сделаны относительно сюжета «Семь Симеонов». Отмечая, что все редакции сказки восходят к одному протографу, исследовательница пока оставляет открытым вопрос об источнике сказки, предполагая, что поскольку данный сюжет в русской устной традиции не представлен широко, возможно, он был заимствован. Таким образом, очевидно, что последовательно осуществленная текстологическая апробация потребует привлечения инославянского материала, использования методик сравнительного фольклористического исследования и, возможно, методологии, предложенной и разработанной школой заимствования в ее разнонациональных вариантах.

Монография К.Е. Кореповой вынуждает задуматься над проблемой истинности некоторых аспектов сказковедения. Вся исследовательская литература о народной сказке выросла, в основном, на материале классических сказочных сборников: А.Н. Афанасьева, И.А. Худякова, А.М. Смирнова, Д.К. Зеленина, А.И. Никифорова и др. При этом какие бы проблемы ни решались фольклористами, исходным было убеждение не только в изустности предлагаемого сборниками материала, но и в его аутентичности. Апробация десяти сюжетов, произведенная в монографии, выявила очень пеструю картину во взаимоотношениях устной сказки и книжности. По-видимому, некоторые выводы фольклористов после завершения критического пересмотра всех сказочных сюжетов будут нуждаться в корректировке, а может быть, даже и в пересмотре.

Обращусь вновь к В.Я. Проппу. Он был убежден, что чистота народной сказки присутствует только у крестьянства, да и то, когда оно «мало затронуто цивилизацией». «Всякие сторонние влияния, — писал он, — меняют, а иногда и разлагают сказку. Как только мы выходим за грань абсолютно подлинной сказки, так начинаются осложнения. Сборник Афанасьева в этом отношении представляет собой удивительно благодарный материал»⁴. И это при том, что Проппу было известно, что некоторые варианты в сборнике А.Н. Афанасьева суть книжного происхождения. Тем не менее он построил свое исследование морфологии волшебной сказки на ста сюжетах, взятых из сборника Афанасьева последовательно, без всякой выборки, с полным доверием к этим текстам. Из монографии о лубочной сказке становится очевидным, что только из числа рассмотренных К.Е. Кореповой десяти сюжетов с книжной традицией связаны двенадцать текстов А.Н. Афанасьева, бытующих и в народной традиции. Так что говорить об «абсолют-

но подлинных» сказках из коллекции Афанасьева следует осторожнее, памятуя, что он принадлежит тому времени, когда народная сказка жила параллельно с лубочной и они взаимно подпитывали друг друга.

Достоинством исследования К.Е. Кореповой представляется его открытость для дальнейших разработок. Пути будущих исследований, обозначенные в работе, лежат в разных областях гуманитарной науки. Это и пополнение впервые составленной исследовательницей уникальной «Библиографии изданий лубочных сказок» (поскольку эта кропотливая работа не под силу одному человеку), это и издание Свода лубочной сказки, это и пересмотр всех сборников народных сказок (и всех сюжетов) на предмет обнаружения связей с лубочными текстами. Надо сказать, что монография предлагает четкую методику определения фольклорности или книжности сказочного текста, которая опирается на специфику изображения действительности: отношение к вымыслу, географическим и бытовым реалиям, способ изображения героев, особенности сюжетной структуры, представления о пространстве и времени и др. Здесь выработана и методика определения вторичности текста, в основе которой выявление случаев недопонимания, переосмысления, искажения, внутрисказочных замен, перестановок и пр. Особого изучения (текстологического, содержательно-формального, историко-этнографического и пр.) требуют сказочные тексты, сопровождающие лубочные картинки. Не исследовано и соотношение изобразительного и словесного рядов в такого рода изданиях.

Думается, монография К.Е. Кореповой станет импульсом в изучении не только лубочной, но и фольклорной сказки, традиция постижения которой, столь основательная в русской науке XIX и XX столетий, в последние годы пресеклась и нуждается в свежих идеях. Сегодня исследователи сказки могут многое почерпнуть из опыта своих коллег, значительно продвинувшихся в изучении народной прозы, обрядового фольклора, этнопоэтики и этнолингвистики. Многое дает также актуализация методики комплексного изучения народной традиционной культуры. К оригинальному исследованию К.Е. Кореповой будут обращаться все, кто имеет дело с поздним состоянием фольклорной традиции, периодом интенсивного влияния на нее книжности.

Примечания

¹ Пропп В.Я. Дневник старости. 1962—196... (Публикация А.Н. Мартыновой) // RS Russian studies. Т. 3. СПб., 1995. С. 316.

² См.: Новиков Ю.А. Былина и книга: Указатель зависимых от книг былинных текстов. Вильнюс. 1995; Егоров А.С. Сказитель и былинная традиция. СПб., 2000.

³ Корепова К.Е. Русская лубочная сказка. С. 27.

⁴ Пропп В.Я. Морфология сказки. М., 1969. С. 90.

Н.М. ВЕДЕРНИКОВА
(Москва)

ФОЛЬКЛОР СУДОГОДСКОГО КРАЯ В СОВРЕМЕННЫХ ЗАПИСЯХ

Рецензия на: *Фольклор Судогодского края / Сост. В.Е. Добровольская, И.А. Морозов, В.Г. Смолицкий. — М.: ГРЦРФ, 1999. — 336 с.*

Книги, посвященные народной культуре в ее локальном проявлении, сегодня получают всё большее признание, особенно, если они представляют народную культуру комплексно, то есть включают характеристику различных ее видов — словесного, музыкального, изобразительного. Научная значимость таких монографических изданий бесспорна, ибо они не только характеризуют традиционную народную культуру в ее целостности, но и помогают ощутить ее локальную специфику, проследить взаимосвязь различных фольклорных жанров, движение традиции. Сами исследования, которые проводятся из года в год в одном месте, позволяют фольклористу глубже войти в культуру деревни, ощутить связь традиций с культурой сегодняшнего дня.

Книга «Фольклор Судогодского края» — это результат четырехлетней работы фольклористов Республиканского фольклорного центра, а также студентов и преподавателей Владимирского областного колледжа культуры и сотрудников Владимирского областного центра народного творчества. Участие последних в подобных экспедициях всегда особенно желательно, ибо Дома народного творчества, как и сельские Дома культуры, — это надежные проводники ученых, владеющие ситуацией, способные провести разведывательную работу, что всегда обеспечивает успех и результативность исследований.

При публикации фольклорного материала (15 тыс. единиц) авторы проекта отказались от расположения текстов по жанрам, предложив иной принцип. Все фольклорные записи сгруппированы согласно их отнесенности к календарным или семейным обрядам — общественной и семейной (личной) жизни человека. В первом разделе выделены значимые периоды и отдельные дни крестьянского земледельческого календаря, которые отмечены обрядами, обычаями, поэтическими произведениями. Раздел «Семейные обряды» включает произведения, характеризующие традиции, связанные с человеком, его семейными заботами — рождением и

